

ВЛИЯНИЕ ИСИХАСТСКИХ ИДЕЙ НА ЛИЧНОСТЬ И ТРУДЫ НИЛА СОРСКОГО

Климков О.С. ©

Кандидат философских наук, докторант,
Санкт-Петербургский государственный университет

Середина XIV столетия явила напряженное противоборство двух непримиримых мировоззрений, двух различных в корне взглядов на существо отношений Бога, мира и человека. Запад готовился вступить в эпоху Ренессанса, историческое развитие идей которого привело к современному тотальному духовному кризису, разворачивающемуся на фоне небывалых материально-технических достижений. Византия же сделала иной выбор, утвердив его на всецелом принятии мистико-аскетических и философско-богословских идей исихазма, раскрывшего глубинное содержание православного учения применительно к требованиям своей эпохи. Историческое время, отпущенное Византийской империи близилось к завершению, но рядом возростала единоверная Русь, сумевшая воспринять и творчески приумножить сокровище греческого православия.

Однако вслед за расцветом православной духовности в эпоху преподобного Сергия мы можем наблюдать некоторое охлаждение, если не полное увядание внутреннего делания в монашеской среде. Наметился даже некий отрыв от византийской традиции и культуры в целом (симптоматичным явлением стало дело Максима Грека). «Русь XIV и XV веков проходит под знаком Византии: ее влияния, возрождения монашества, созерцательного подвига. Она черпает духовные силы и воодушевление в общении с Востоком. Но к концу XV века эти прежние связи ослабевают и даже разрываются» [5,169].

«После подъема XIV-XV веков в русской духовной и культурной жизни происходит определенный спад. ... Грядущее Возрождение могло возникнуть лишь на основе нового духовного синтеза. ... Признаки подъема стали проявляться к концу XVII в. ... Предвестником назревавших сдвигов явилось оживление исихастских традиций. ... Особая роль принадлежит в этом старцу Паисию Величковскому, осуществившему прорыв из XVIII века в XV и ставшему прямым продолжателем дела Нила Сорского (как будто бы между ними и не было трехвекового разрыва!). Впрочем, на русское образованное общество, пожалуй, большее влияние оказал другой выдающийся исихаст XVIII в., Тихон Задонский, не ушедший в XV век, а ставший мостом между ним и веком XIX, совместивший в себе утонченный мистицизм, видения Фаворского света, пафос преображения с глубоким интересом к современной жизни и даже к западной литературе. Все это отражало глобальный поворот в общественном сознании. Воспитанные на концепциях французских просветителей, русские интеллигенты открывают свое прошлое и самих себя. Так начинается третье русское Возрождение, вершинами которого стали грандиозные фигуры великого русского святого Серафима Саровского и поэтического гения России Александра Пушкина» [8,191]. Так, забегаая несколько вперед, можем мы обрисовать череду подъемов и упадков исихастской духовности в русском обществе.

Следует оговорить дисциплинарные границы нашего исследования. Выявление историко-философского содержания интересующей нас тематики не должно заслоняться многочисленными историческими и филологическими ее аспектами, имеющими важное научное значение, но не относящимися прямо к данной проблематике. Феномен византийского исихазма был многократно рассмотрен с различных его сторон: исторических, политических, филологических, богословских и т.д. С благодарностью используя накопленный в науке потенциал, мы должны будем сконцентрироваться на философской составляющей этого сложнейшего явления духовной жизни человечества. И особенно – на его роли и значении в формировании самобытной русской философии.

Соединение имен Сергия Радонежского и Нила Сорского давно уже стало общепризнанным: их духовность имеет глубочайшие черты внутреннего сродства. «Столетие отделяет преобразования Сергия от деятельности Нила, но их имена могут быть поставлены рядом. Троица Сергия как подражательный пример в практике аскезы, «Предание» и «Устав» Нила как руководство в опыте умной молитвы – два столпа, на которых воздвигалась русская школа духовного совершенства» [2,23].

Вернемся к Нилу Сорскому. Представляется целесообразным дать краткий очерк его жизни, деятельности и сочинений. Сведений о его жизни сохранилось очень мало, да и те на века были преданы забвению. Обратимся к классическому труду - «Истории Русской Церкви» архиепископа Филарета (Гумилевского): «Того же века Нил (+ 1508 г.), по фамилии Майков, по месту подвигов сорский, воскреситель забытой дотоле аскетской жизни и учитель невиданный для той же жизни, писал послания и предание ученикам своим. Там и здесь содержание одно – внутренняя подвижническая жизнь, ее опасности и средства спасительныя, различныя состояния души, скорби и радости. Путешествовав долго по обителям Афона, прочитав сочинения всех лучших аскетов востока, пр. Нил предлагает опыты их, поверенные словом Божиим и собственною опытностью. Сколько устав пр. Иосифа Волоколамского отличается внешнею строгостию, столько сочинения пр. Нила – глубокими сведениями о внутренней жизни во Христе. От того неудивительно, что уставы, подобные Иосифову уставу, писаны были у нас и другими, как-то: Кириллом, Корнилием, и почти в каждой обители; но учителем аскетской жизни остался у нас один Нил сорский, великий отец русской церкви» [6,389].

Первый крупный исследователь жизни и деятельности Нила Сорского А.С. Архангельский пишет: «Нил Сорский, знаменитый деятель Русской церкви. Сведения о нем скудны и отрывочны. ... Неизвестно, был ли Н.С. канонизован формально; но на всем протяжении нашей древней литературы лишь за одним Н.С., в заглавиях его немногочисленных сочинений, осталось имя «великого старца». ... Общее направление мыслей Н.С. – строго аскетическое, но в более внутреннем, духовном смысле, чем понимался аскетизм большинством тогдашнего русского монашества. ... Подвиг нравственного самосовершенствования инока должен быть разумно-сознательным» [1,220].

Говоря о резком несоответствии личности Нила нравам своей эпохи, И.М. Концевич приводит свидетельство цитированного выше автора: «А.С. Архангельский, автор ученого труда о Ниле Сорском, в самых мрачных красках изображает его эпоху. ... И вот на таком темном фоне общего одичания особенно светло вырисовывается кроткий лик преподобного, как просвещенного человека, охватывавшего вопросы веры в их глубоком Евангельском понимании. Он был ученый систематик. В ясных и простых формах систематизировал он учение о внутреннем делании. Невольно напрашивается сравнение его с Феофаном Затворником, или с Игнатием Брянчаниновым. И, действительно, преп. Нил Сорский, Паисий Величковский, Игнатий Брянчанинов, Феофан Вышенский Затворник, а также и Оптинские Старцы, являются звеньями одной и той же цепи учителей-писателей, излагавших учение о внутреннем делании в применении к понятиям и быту своих современников» [5,163].

Г. Флоровский утверждает: «Преподобный Нил был, прежде всего, безмолвником, не имел потребности говорить и учить. Он не был ни мыслителем, ни писателем, ни богословом. В историю он входит, однако, именно как «старец» или учитель, учитель безмолвия, учитель и руководитель в «мысленном делании», в духовной жизни. Нового у преп. Нила мы ничего не найдем, по сравнению с общей созерцательной традицией Греции и Византии, - по сравнению с «Добротолубием». И не всегда легко распознать и выделить его личные взгляды и мысли из непрерывной ткани выдержек и ссылок... Может быть, у преп. Нила несколько резче обозначены нравственные мотивы, и слабее умозрение... Впрочем, если у Нила мало «своего» в отличие от общепринятой духовной традиции, то все у него самостоятельное. Он живет отеческой традицией, она жива и оживает в нем. Только по совершенному недоразумению историки русской литературы находили у преп. Нила начала

рационалистической критики и разложения церковной традиции. Только при действительном незнании этой традиции можно было строить такие удивительные домыслы... Нил Сорский только из аскетико-созерцательной традиции древней и византийской Церкви и может быть понят до конца» [7,21-22].

Относительно рационалистической критики можно вполне согласиться, т.к. именно иосифляне «...продолжали традиции древнекиевского религиозного рационализма...», а нестяжатели, «...напротив, ориентировались на духовный опыт Афона, наследие византийского исихазма». Однако следует внести некоторые уточнения. «Нил Сорский, как видим, мыслил в категориях рационализма, - полагает А.Ф. Замалеев, - однако функционально его рационализм обременен отрицательной тенденцией: он служил не средством достижения истины, а способом возвышения веры. ... Таким образом, мистика у Нила Сорского получает своего рода логическое обоснование, превращается в аргументированный постулат веры» [3,60].

Обратимся к литературному творчеству преподобного. Нил испытал, безусловно, серьезное влияние греческой патристики, но сумел творчески переработать этот обширный святоотеческий материал, привнеся свой собственный мистико-аскетический опыт и русскую ментальность. «Литературным источником сочинений Н.С. был целый ряд патристических писателей, с творениями которых он познакомился особенно во время пребывания своего на Афоне; ближайшее влияние на него имели сочинения Иоанна Кассиана Римлянина, Нила Синайского, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита. Ни одному из них Н.С., однако, не подчиняется безусловно; нигде, напр., он не доходит до тех крайностей созерцания, которыми отличаются сочинения Симеона Нового Богослова или Григория Синаита» [1,220-221].

Многие исследователи отмечают духовно-интеллектуальный аристократизм и утонченность личности учителя безмолвия. «Умственным аристократом» «...Преп. Нил был «списателем» книг, «скорописцем», следовательно, принадлежал к культурному слою, и это явствует, главным образом, из его слога, его исключительной тонкости чувств и его манеры выражаться с присущим ему лирическим даром. ... У преп. Нила особый дар рассудительности. Он – учитель мудрого среднего пути...» [5,162]. Литературное наследие Нила Сорского довольно скромно по объему: «Предание», «Устав», состоящий из предисловия и одиннадцати глав, «Молитва», четыре Послания и «Завещание». Публикация его творений началась лишь в XIX в. «Самое крупное и содержательное творение Нила Сорского – Устав, называемый иногда Большим в отличие от Предания или Малого Устава. Это ценнейший источник отечественной философской, этической и психологической мысли». Флоровский высказывает критическое замечание по поводу оригинальности сочинений Нила: «И не только «Просветитель», но и «Предание ученикам» преп. Нила построены скорее как сборник или «цепь», чем как самостоятельное разсуждение...» [7,18].

Однако, как уже говорилось выше, Нилу удалось творческое усвоение опыта византийских исихастов. Русско-католический исследователь Иоанн (Кологривов) подтверждает это положение: «Заимствуя идеи у других, Нил, как подлинно русский человек, не ограничивается их повторением и буквальным применением: он их приспособляет и перерабатывает согласно национальному и своему личному гению. С греческим монашеством и с афонским исихазмом это произошло так же, как впоследствии с немецким идеализмом и даже с марксистским коммунизмом» [4,192].

Обратимся теперь к широко известному спору «иосифлян» и «нестяжателей», ибо здесь раскрываются многие существенные черты мировоззрения и учения Нила Сорского. В науке бытуют разнообразные мнения о сущности и значении этого спора, часть которых представляет собой не более чем устаревшие стереотипы, заслоняющие истинное положение вещей. Некоторые исследователи склонны резко противопоставлять две стороны этого спора. Хвалят, как правило, нестяжателей, ругают – иосифлян. Однако, истина не может, по крайней мере, в данном контексте, принадлежать исключительно одной стороне, хотя в духовно-историческом отношении более правыми выглядят сторонники Нила. Нестяжатели

во главе с Нилом Сорским потерпели сокрушительное поражение на московском Соборе, но победили в истории, оказав серьезнейшее влияние на развитие свободной мысли и духовности в русском обществе. Нестяжателей зачастую упрекают в презрении к миру. Но это обвинение никак нельзя признать обоснованным. Опасность проникновения мирского духа в Церковь заставляла их быть непреклонными. Об опыте духовной свободы в движении нестяжателей писали уже писали некоторые исследователи и это является одной из определяющих характеристик заволжского движения.

Литература

1. Архангельский А.С. Нил Сорский // Христианство. Энциклопедический словарь в 3 тт. – М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия». Т. 2, 1995.
2. Бубнова В.А. Нил Сорский: Историческое повествование. – СПб., 1992.
3. Замалеев А.Ф. Лекции по истории русской философии (XI-XX вв.). Изд. 3-е, доп. и перер. - СПб.: ИТД «Летний сад», 2001.
4. Иоанн (Кологривов), иером. Очерки по истории русской святости. – Вильнюс, б.г.
5. Концевич И.М. Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси. - М.: Лепта, 2002.
6. Филарет (Гумилевский). История Русской Церкви. - М.: Изд. Сретенского монастыря, 2001.
7. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. - Киев, 1991.
8. Экономцев И.Н. Православие, Византия, Россия. Сборник статей. - М.: «Христианская литература», 1992.